

Ван Цзиси вернулся в больницу уже было около четырех часов пополудни. Врач Ван Мэн не устанавливал для него строгого графика работы — требовалось лишь отбывать по шесть часов в день.

Войдя в палату, Ван Цзиси повесил рюкзак на стул, снял верхнюю одежду и аккуратно перекинул её через спинку.

По правде говоря, те сплетни, что он слышал днем в столовой, все не шли у него из головы. Стоило ему вспомнить, что человек, лежащий перед ним, — это профессор из Университета Хуада, как в нем в очередной раз всколыхнулось непреодолимое восхищение. Он преклонялся перед этим человеком вовсе не из-за его выдающегося происхождения и не потому, что тот добился невероятных успехов в создании игр, а лишь за способность упорно следовать своей мечте, бороться за неё изо всех сил и в конце концов завоевать собственный уникальный мир.

В прошлом году, когда он еще учился в Хуада, до него доходили слухи о Фу Ихэне, и тогда все студенты университета возвели Фу Ихэна в ранг кумира. Его достижения пестрели даже на досках объявлений.

Если посудить, Фу Ихэн приходился Ван Цзиси старшекурсником — он опережал его на два года. Когда Ван Цзиси был на втором курсе, Фу Ихэн уже числился профессором в том же учебном заведении.

Разница между людьми порой поистине огромна: всегда найдется кто-то сильнее, и над любым мастером раскинется свое небо.

Правда, как именно выглядит Фу Ихэн, Ван Цзиси толком не представлял. В те студенческие годы он сам еще лелеял робкую мечту и считал Фу Ихэна примером для подражания, до безумия желая добиться хоть каких-то высот. Увы, столкнувшись с реальностью, его мечты разбились вдребезги, оставив лишь крохи былого упрямства. Кто-то назвал бы это настойчивостью, но чаще оставалось лишь одно горькое сожаление.

О студии по разработке игр, основанной Фу Ихэном, он тоже слышал. И вот теперь этот кумир из его мечты лежал прямо перед ним, но Ван Цзиси, казалось, намеренно обходил стороной тему Университета Хуада и ни словом не упоминал о собственном прошлом в его стенах.

В Хуада у Фу Ихэна был свой кружок по созданию игр, и, разумеется, там же существовало литературное сообщество, о котором Ван Цзиси вспоминал с замиранием сердца.

Ван Цзиси отбросил в сторону книги: сейчас ему не хотелось заглядывать в скучные страницы, ему хотелось поговорить с тем, кто неподвижно лежал на постели.

— Эх, судьба это или просто совпадение? Ты ведь тоже мой кумир, и то, что мы встретились при таких причудливых обстоятельствах, можно назвать предопределением. Пусть ты не можешь произнести ни слова и, вероятно, даже не слышишь меня, я все равно хочу

выговориться!

Ван Цзиси машинально взял со стола стопку книг и принялся вертеть в руках толстую тетрадь в кожаном переплете, лежавшую в самом низу.

— Интересно, есть ли в созданном тобой игровом мире те же трудности, что и в реальной жизни? Если бы все мечты можно было воплотить в игре, я бы предпочел навеки погрузиться в неё! Прямо как ты сейчас — увязнуть в игре навсегда и не возвращаться. Хотя я понятия не имею, с какими тревогами ты столкнулся в реальности, раз решил сбежать от неё и спрятаться в виртуальном мире... но я не ты. Пусть я трус, пусть я и дальше буду падать духом, у меня по крайней мере хватит смелости смотреть правде в глаза. А ты сейчас лежишь здесь, теша себя сладкими грёзами в игре — ты хуже любого труса!

Ван Цзиси говорил искренне. Звучало это, пожалуй, резковато, но, возможно, именно такие слова могли послужить толчком, способным вернуть Фу Ихэна к жизни.

Пусть Фу Ихэн и держал глаза закрытыми, смутные отзвуки чужой речи все же пробивались сквозь пелену забвения.

Конечно, игра — лучшее убежище от реальности, однако те, кто не в силах справиться с действительностью, не могут вечно прятаться в ней подобно Фу Ихэну.

Ван Цзиси все сильнее заинтриговывала личность Фу Ихэна. Ему захотелось узнать причину, по которой тот скрылся в мире игр, или, вернее, почему он так упорно избегал суровой реальности.

Он окинул взглядом плотный кожаный переплет. Вообще-то, помимо имени Фу Ихэна, на обратной стороне блокнота красовался еще один иероглиф. Казалось, его выцарапали чем-то острым, но не слишком четко — судя по всему, обошлись тупым концом пера. И всё же в неясных очертаниях угадывался иероглиф. Похоже, это было слово Си, хотя Ван Цзиси не мог поручиться наверняка — а вдруг это Синь? Какой смысл таился в этом знаке? Быть может, это один из иероглифов чьего-то имени, точно так же, как Си в его собственном имени — Ван Цзиси?

Когда палец Ван Цзиси коснулся этого выцарапанного знака, его охватило потрясение, сменившееся абсолютным неверием. Снова и снова он пытался убедить себя в том, что это простое совпадение.

Но незримая нить судьбы натянувшимся струнной впиалась в его сердце, врезаюсь так глубоко, что казалось, будто на нем останутся кровавые рубцы. Он отчаянно принялся рыться в уголках памяти, перебирая воспоминания за воспоминаниями, и лишь когда убедился, что человек по имени Фу Ихэн никогда прежде не появлялся в его жизни, его брови чуть разгладились.

Неужели это очередное совпадение?

Ван Цзиси снова посмотрел на человека, лежавшего на постели. Тонкие, правильные черты лица этого мужчины лишней раз напоминали: они совершенно незнакомы. Точнее говоря, между ними никогда не было близкого общения или тесных контактов.

Он подумал, что на все эти вопросы наверняка сможет дать точный ответ управляющий Фу Ихэна!

Стоило ему выложить все эти сомнения разом, как на лице дворецкого отразилось крайнее удивление.

— Кажется, господин Ван проявляет излишний интерес к нашему молодому господину?

— Нет-нет, мне просто любопытно... — только и смог оправдаться Ван Цзиси. Он не был уверен, было ли совпадением то слово на обороте блокнота, или его просто черкнули от нечего делать, не вкладывая никакого смысла, поэтому ему оставалось лишь сослаться на праздное любопытство, разбудившее желание узнать что-то из прошлой жизни Фу Ихэна.

Не успел Ван Цзиси договорить, как его оборвали:

— Я бы посоветовал господину Вану заниматься своими прямыми обязанностями. Все, о чем вы спрашиваете, — личные дела молодого господина, и я не имею права отвечать на подобные вопросы!

Ван Цзиси неловко улыбнулся. Похоже, дворецкий Фу Ихэна явно не приветствовал избыточное любопытство к сокровенной жизни хозяина дома.

Людей, чье любопытство заходит слишком далеко, обычно оно же и губит — Ван Цзиси прекрасно усвоил эту истину. Раз уж дворецкий отказался распространяться, продолжать расспросы не имело смысла.

Устроившись у больничной койки, Ван Цзиси почувствовал, как у него перехватило дыхание. Роящиеся в голове вопросы вновь и вновь терзали мысли, не позволяя обрести душевное спокойствие.

Помотав головой, он наугад вытащил книгу — на оставшееся время ему оставалось лишь монотонно вчитываться в строчки печатного текста.

<http://bllate.org/book/22337/2340194>